

18+

ВЛАДИМИР ЧИСЛЕНСКИЙ

**День
поминовения**

Владимир Численский

День поминовения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57393811

ISBN 9785005131928

Аннотация

Молодой моряк едет по окончании колледжа из Петербурга в Ригу к своему первому месту работы. В поезде он знакомится с юной девушкой, латышкой – студенткой консерватории, скрипачкой. Между молодыми людьми возникают отношения. Но встречи длятся недолго – герою повести срочно необходимо отбыть на борт судна, на которое он получил назначение до конца навигации. Оба с нетерпением ждут следующей встречи, но случится ли она?

Содержание

День поминовения	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

День поминовения

Владимир Численский

© Владимир Численский, 2020

ISBN 978-5-0051-3192-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День поминовения

– Консуэло, какое смешное имя! – сказал граф.

– Прекрасное имя, светлейший, – возразил Андзолетто. –
это означает утешение.

Жорж Санд

Глава 1

С чемоданом срочно нужно было что-то решать. Не носить же его под мышкой всю дорогу!

– Уважаемая! – окликнул я женщину, которая вместе с мужем увязывала синтетической веревкой две или три картонные коробки поблизости от нас.

– Да?! – изумленно отозвалась она, видимо, смутившись от необычного обращения.

– Вы не могли бы одолжить мне немного вашей бечевы?

Она что-то не громко сказала мужу и тот, подойдя ближе, протянул мне всю катушку.

Я вынул из кармана перочинный нож и, открутив от катушки приличный кусок бечевы, невозмутимо отрезал. Затем открыл чемодан и извлек оттуда короткую деревянную линейку, которую совершенно случайно (наверно, из чувства скаредности) не выкинул перед отъездом. Переломив линейку посередине, я пристроил ее по обе стороны треснувшей ручки чемодана – соорудив таким образом шины – и не спеша стал накладывать марку.

Речь, как легко догадаться, не о почтовой марке, а о том, что подразумевается под этим словом в такелажном деле – марка накладывается на концы судовых канатов, чтобы они не распускались.

Ребята стояли рядом и с усмешками наблюдали за этими

манипуляциями. Мужчина, отошедший обратно к жене, тоже с иронией поглядывал на меня оттуда.

– Ребята, поторапливайтесь! Сейчас отъезжаем, – подстегнула нас проводница. – Кто из вас пассажиры?

– Он пассажир, он, – успокоил ее Юрка, показав на меня пальцем.

Я с усилием затянул марку и, обрезав торчащие концы бечевы, выпрямился, спрятал ножик в карман, и, приподняв чемодан за покалеченную ручку, убедился в том, что она держит.

– Ловко! – громко выразил свое одобрение мужчина и, снова подойдя к нам вплотную, внимательно пригляделся к моей работе.

– На пять баллов, как учили! – не без гордости «рисанулся» я словами привычной курсантской поговорки.

– Молоток, Серега! – одобрили мои действия и ребята.

Я поставил чемодан на перрон и, с грустью оглядев сгрудившихся вокруг меня ребят, констатировал:

– Пора.

Некоторые из них до сих пор были в форме, может быть, потому, что им еще не успели выслать «гражданку» из дому, а, может быть, потому, что из принципа хотели до последнего дня, пока не разъедется вся рота, пробыть в курсантской «шкуре».

Осьминкин же вообще, надо полагать, чтобы подурачиться, нацепил на себя полевую форму сержанта морской пехо-

ты США, привезенную ему отцом из предпоследнего рейса, и, не обращая никакого внимания на недоуменные взгляды прохожих, щеголял в ней уже седьмой день подряд, с самого выпускного вечера. Мысль о возможности не очень приятной беседы в первом отделе пароходства, а то и в общеизвестном Сером доме на Литейном проспекте, по-видимому, мало его беспокоила.

Впрочем, всю эту неделю едва ли кому из нас приходили в голову беспокойные мысли. Мы слонялись из гостей в гости – по квартирам наших же кадетов (слово «курсанты» было мало популярным: курсачи и кадеты – так мы сами себя обзывали) из числа ленинградцев – переходя из состояния «мертвецки пьян» в состояние «относительно трезв» и обратно, начисто позабыв обо всем том, что в данное время плохо увязывалось со словом «гулять».

В эти дни не было ссор и драк (между своими), старые счеты забывались, и, опьяненные вновь обретенной свободой передвижения, временной неподвластностью, понимая, что многим из нас, возможно, больше ни разу не удастся повидаться за всю долгую остающуюся жизнь, мы относились друг к другу так, как могут относиться лишь молодые люди девятнадцати-двадцати лет от роду, четыре из которых были совместно проведены в Системе.

Видимо, придется объяснить и это слово, точнее – в каком смысле его использовали мы. Существовало «Положение о морских, мореходных и арктическом училищах»,

предписанное к исполнению министерством морского флота СССР, которое начиналось параграфом о том, что все перечисленные училища «являются системами закрытого типа». И потому курсачи никогда не говорили, например, «поехали в училище» – нет. Полагалось говорить «поехали в систему», «я все воскресенье в системе проторчал», «до чего же достала эта система!» и так далее. Ничего не поделаешь – курсантский сленг как часть курсантского фольклора.

К концу этой недели многие, если не все, стали ощущать себя в том удивительном состоянии духа, когда граница между опьянением и трезвостью сама собой исчезает, и те горячительные напитки, которые мы по инерции продолжали вливать внутрь себя, переставали приносить должный эффект и, в принципе, на этом можно было бы остановиться и не пить дальше вовсе, но – мы почему-то решали по-иному.

Вот и сейчас среди моих друзей мелькали несколько початых уже бутылок сухого, которые переходили из рук в руки; то тут, то там прилипая своими прохладными горлышками к потрескавшимся, утомленным суетою последних дней, молодым, еще вдоволь не зацелованным, еще жадным до поцелуев курсантским губам. . . . Ну, не водку же нам было пить на вокзале! В самом деле. . .

Чемодан я, на всякий случай, заранее отнес в тамбур и, вернувшись к ребятам, принял услужливо поднесенную чьи-то братскими руками бутылку и, медленно отхлебывая из нее, стал внимательно разглядывать провожающих меня –

напоследок.

Их было много – человек двадцать – добрая четверть нашей маленькой учебной роты. Троим из них через месяц предстоял тот же путь, что и мне теперь – в Ригу. Просто я «постеснялся» ехать сейчас домой и решил сразу прибыть к месту работы...

«Стесняться» мне было чего.

К началу четвертого курса я был одним из лучших курсантов роты. У меня была «виза». То есть, говоря другими словами, в отличие от всех остальных советских смертных людей, я был «выездным». На плавпрактиках я попадал на, так называемые, «белые пароходы» (полностью в белый цвет выкрашивались пассажирские, учебно-производственные и научно-исследовательские суда. Отсюда и термин: в данном случае – символ благополучия моряка), стоявшие на линиях с хорошими портами захода, и – к девятнадцати годам – обошел если не весь мир, то уж, во всяком случае, половину его. Мои друзья в Алма-Ате по праву гордились мною. Быть «выездным» – это почти бессмертие. Поминать тут о тщеславии моей матери мне уж и вовсе неудобно.

«Если все в порядке, значит, что-то тут не так», – кажется, так пела популярная в те годы группа «Машина времени». И они были правы.

Я пил и хулиганил. Разумеется, не один – с друзьями. Хороший курсант – это пьющий курсант. Иначе он не достоин высокого звания кадета.

Простая истина – у любой веревочки есть конец. Моя компания стала попадаться (разумеется, я в числе). Несколько драк с гражданской молодежью, милое битье стекол в женском общежитии, привод в милицию и плюс еще всякая мелочь – дерзость с кэпом (командиром роты), разбитый нос училищного плотника (за то, что не уступил дорогу курсантам IV курса), неудачная попытка запихнуть преподавателя машиностроительного черчения в топку училищной кочегарки (не помню точно, но, кажется, спьяну мы перепутали его с Сергеем Лазо – шучу: на самом деле, это была месть за все те пакости, которые он нам сделал, когда мы на первом курсе посещали его предмет) – все это вкупе не оставило ни малейшего следа от всех наших, ставших уже привычными, перспектив.

Вначале нам «хлопнули» визы. Затем вызвали на цикл (заседание военно-морской кафедры) и «поплавили звезды». В переводе с курсантского жаргона на язык господ-товарищей офицеров с военно-морской кафедры это означает «лишение присвоения воинского звания офицер запаса по выпуску из училища». Чтобы было еще яснее, добавлю: курсант, лишенный звания по выпуску, получал лишь диплом Министерства Морского флота, но не получал заветного удостоверения офицера запаса Министерства Обороны, то есть, по сути, он оставался призывником, а, значит, ему ярко светила служба в рядах Советской Армии или, что еще хуже, Военно-Морского флота (три года на один год делятся долъ-

ше, чем два – надеюсь, это понятно).

Само собой, в тот день мне и трем моим неразлучным соратникам – Воробью, Пепсу и Шпачеву – было несколько грустновато...

Из матюгальника (о, тут все просто – из громкоговорителя) донесся голос дикторши, объявляющий отправление моего поезда. На перроне сразу стало как-то суетливо, со всех сторон зазвучали слова прощаний, звуки поцелуев, запах вокзала начал смешиваться с запахом разлуки.

Под похлопывания ладонями приятелей по плечам, под напутственные реплики, я притиснулся вплотную к входной двери вагона.

– Сега, пиши, не забывай.

– Серега, помни ЛАУ, – я кивал всем в ответ.

Состав тронулся и, заскочив внутрь вагона, мешая проводнице закрывать двери, я до последнего смотрел в сторону ребят, смотрел, как расстояние между нами с каждой секундой становится все больше и больше.

– Кто сбился с верного пути, того ищи в БалтМорПути, – слова этой дурацкой поговорки, опять же курсантской, были последними из тех, которые я успел крикнуть на прощание ребятам...

ЛАУ, БалтМорПуть – резануло слух, не правда ли? ЛАУ – Ленинградское Арктическое училище – то самое, которое я столь проблематично закончил, хотя и самое лучшее училище из всех училищ существующих или когда-либо существо-

вавших на этой брэнной земле.

А БалтМорПуть – это контора, квартировавшая в Риге, занимавшаяся дноуглубительными работами – всякие там «черпаки», «землесосы», грунтоотвозные шаланды и прочая дрянь. В общем, отличное место для ссылки провинившихся моряком.

Такая вот меня ждала теперь расплата за все мои похождения.

Глава 2

Вместе со мною в купе оказалась пожилая чета и женщина лет тридцати – «тетка», как я ее назвал про себя. Для меня – в мои двадцать – тридцать лет казались чуть ли не какой-то последней чертой, за которой люди уже не живут, а доживают. И кто бы мог осудить меня – тогдашнего – за это? Разве что я сам – нынешний.

«Тетка» была явно поддатой. На столе перед нею стояли запечатанная бутылка «Сибирской» и начатая бутылка шампанского. Устраивая свой чемодан с «загипсованною» ручкой на антресоли, я поневоле прислушался к разговору.

– Ну, мужчина, что вам – трудно составить женщине компанию? Вы что: никогда не пили прежде? – довольно противным голосом «задирала» «тетка» нашего соседа по купе. – Мне плохо. Вы понимаете: мне – плохо! – продолжала домогаться она, как будто бы тот ей был должен. – У меня – мать умерла!

– Мы очень вам сочувствуем, – вмешалась в разговор супруга мужчины, наверное, изо всех сил стараясь быть при этом деликатной. – Но мы не пьем, поймите нас правильно...

– А ты помолчи, – грубо оборвала ее «тетка». – Я не тебе предлагаю.

– Он... он тоже не пьет, – растерянно возразила женщина. – У него... у него почки...

– А у меня что, по-твоему, – камни, да? – снова оборвала ее эта пьяная баба. – Эх, люди, – с укоризной продолжала она. – Я же к вам, как к людям, обращаюсь. Я же вам сказала: у меня – мать умерла. Я с похорон еду... прямо с поминок... мне... мне завтра уже на работе надо быть.

– Вот там и выпьете... Вместе с сослуживцами, – нашлась женщина и, сказав это, вопросительно посмотрела на непрошеную собеседницу. – Вместе с ними... маму помяните, – совсем уже нерешительно закончила она, смешавшись под уничтожающим взглядом «тетки».

– Эх, дура ты, дура, – перейдя уже все дозволенные границы, отрезала ей «тетка» и презрительно отвернулась в сторону окна.

– Девушка, как вам не стыдно! – опомнившись, возмутился пожилой супруг.

До этого момента он молчал и лишь отрицательно мотал головой, когда «тетка» предлагала ему выпить, и согласно кивал в такт словам своей жены.

Услышав его реплику, та, которую он назвал девушкой, взглянула в его сторону и, презрительно фыркнув, вновь отвернулась к окну.

В этот момент в купе вошла проводница, чтобы собрать билеты.

Я уже давно сидел на краешке полки, которую занимали супруги, у самых дверей, и потому первым протянул свой билет.

– До Риги? – спросила проводница, хотя по билету и так было понятно, что я еду до Риги.

– Мы тоже до Риги, – сообщил мужчина и протянул проводнице два билета и, когда та стала укладывать их в кармашки папки для билетов, он, слегка притронулся пальцами к ее локтю, чтобы снова обратить на себя внимание, и пожаловался: – Знаете, у нас тут проблемы...

– Какие проблемы?

– Эта девушка, – показал он рукою на нашу попутчицу.

– Что – девушка?

– Она – пьяна. Она пристаёт ко мне с супругой, чтобы мы выпили с нею.

– А вы не пейте, – усмехнулась проводница.

– Да, но... она пристаёт.

Проводница повернулась в сторону «тетки».

– Ваш билет, девушка? – строго спросила она.

Та, не говоря ни слова, протянула свой билет.

– До Риги?

Тетка кивнула в ответ.

Проводница оценивающе ее осмотрела и, после некоторого колебания, сказала:

– Вот что, девушка. Если в дороге будут эксцессы, я вас высажу на первой же станции... с помощью милиции. Вы меня поняли?

– По-ня-ли, – медленно, по слогам выдавила из себя «тетка» с неприязнью и, с презрением сжав губы, отвернулась

от проводницы.

Проводница еще раз окинула ее внимательным оценивающим взглядом и, наверное, решив, что все будет в порядке, пожелала всем счастливой дороги и вышла.

Я сразу же после ее ухода взобрался наверх, на свою полку, и приготовился подремать. Только теперь я в полной мере прочувствовал, как нещадно вымотали меня эти последние дни беспорядочной гульбы. Поезд приходил в Ригу лишь на следующее утро и в запасе у меня были еще целый вечер и целая ночь. Спать в дороге я любил очень, и потому, подумав об этом, сладко потянулся и прикрыл глаза.

Кто-то тронул меня за плечо. Я открыл глаза и, повернув голову, увидел липкий, затуманенный взгляд своей безобразной попутчицы.

– Парень, выпей со мною. У меня мать умерла.

Пить, а, тем более, с нею мне не хотелось. Эта пьяная дура не знала, что вызывает к тому, кто был главным идеологом и вдохновителем затеи устроить аутодафе Pencil'у (так мы обзывали между собой преподавателя машиностроительного черчения – карандаш, но только по-английски). Я ответил ей просто:

– Я хочу спать.

– Выпей, я же тебе говорю – у меня мать умерла.

Супруги, которые по-прежнему сидели рядом и до этого тихо беседовали между собой, замолчали и, приподняв головы, смотрели на нас настороженно.

Поняв, что просто так «тетка» не отвяжется, я, сделав знак рукой, поманил ее к себе. Она придвинулась.

– Слушай, иди в жопу, – по слогам сообщил я ей.

Она отодвинулась и хмуро на меня посмотрела. Надо думать, что в моем ответном взгляде она угадала характер мальчика, который иногда, в целях нанесения ощутимого вреда всемирному процессу эмансипации женщин, хлестал девочек «по мордам», и потому, решив про себя не связываться, уселась на место, и с ходу, демонстративно откупорила бутылку и, налив в пластмассовый стаканчик грамм этак сто, выпила.

Проследив взглядом за нею, я перевел его на супругов. Они, словно по команде свыше, оторвали свои глаза от «тетки» и посмотрели на меня. Я мило им улыбнулся и, повернувшись на другой бок, заснул.

Глава 3

Мне снился строевой плац во внутреннем дворе бывших конюшен Константиновского дворца.

Ярко светило солнце, наверное, апрельское. С крыш капало и звук капель, кроме звука голоса начальника строевого отдела капитана второго ранга Гнедина (по прозвищу Пони – за очень маленький рост и фуражку с очень большими полями), был единственным звуком, оскверняющим тишину.

Посередине плаца, на флагштоке гордо колыхался гюйс Военно-Морского Флота Советского Союза. Под ним – вокруг Гнедина, читающего ежемесячную сводку приказов начальника училища – несколько офицеров (Колибри, Киса, Кирпич и другие). По периметру плаца – застывшие в безмолвии роты.

«... курсанты седьмой роты Воробьев и Кудринский (Кудринский – это про меня, это я Кудринский), находясь в самовольной отлучке, привели себя в нетрезвое состояние (какой деликатный оборот речи! Не лучше ли попросту сказать „нажрались“?), посетили танцпавильон „Молодежный“ (на нашем языке это называлось „Бочка“), где устроили драку с гражданской молодежью, закончившуюся поножовщиной (это совсем уже вранье. Ножей не было! Ну были бляхи у ремней слегка заточены – чтобы консервы открывать), за что были задержаны совместным патрулем наряда мили-

ции и курсантов училища и доставлены в сорок шестое отделение милиции, откуда были вскоре отпущены под честное слово. Не сделав должных выводов (опять вранье! Выводы мы сделали – нужна подмога. Не прощать же за просто так стрельнинских мудаков!), курсанты Воробьев и Кудринский вернулись в училище и зверски избили плотника лишь за то, что он попросил их не шуметь (разбить нос – разве это позверски?). Исходя из вышеизложенного (исходя!), приказываю...»

Вагон трянуло и я проснулся. Похоже, состав притормаживал.

Да, было дело под Полтавой!... В тот раз chief («начальник» с английского. На судах так часто называют старшего помощника капитана, а курсанты так называли начальника училища) из вышеизложенного доисходил до того, что приказал нас с Воробьем отчислить. К счастью, в таких случаях положено информировать родителей курсантов. Первой получила радостное уведомление мать Воробья – она жила ближе моей (Ярославская область, деревня Шишкино). Примчавшись в Систему, она обрушилась на головы наших господ-офицеров со всей силою крестьянской страсти – как гвардейский миномет «Град», или, по крайней мере, тяжелая артиллерия.

Когда я посылала сына к вам на учебу, говорила она, он не пил, не курил, не дрался, не матерился и даже – почитал старших (святая правда – на первом курсе Андрюха сре-

ди нас выглядел, как одуванчик). Я надеялась, продолжала она, что у вас – в заведении с военной дисциплиной – он будет в надежных руках (верное замечание – воспитывать надо, господа офицеры, а не наказывать). А теперь вы вдруг утверждаете мне, резонно возмущалась она, что мой сын превратился в какого-то негодяя. А я знаю, приводила она в конце самый неопровержимый довод, что у моего сына чистая душа и доброе сердце (сухая правда: Андрюха даже курить не научился до самого выпуска. Девчонок стрельненских, конечно, портил злостно, но это – единственный недостаток).

Начальник училища, вся его свита и офицеры шхерились от нее, как могли, но – не на ту напали (скандинавские фиорды моряки иногда называют шхерами. Во врем войны в них нередко укрывались надводные корабли и подводные лодки. Отсюда и смысл слова на курсантском жаргоне – прятаться).

Вскоре из Алма-Аты прибыла моя мама. Несмотря на свои сорок и печальную участь советской женщины, она сумела сохранить все свое очарование. Даже обожаемый курсантами капитан III ранга Василий Гаврилович Петрухин – махровый сердцеед, предмет горького вздыхания всего женского населения Управления училища – был покорен ею без всяких усилий с ее стороны. Чего уж тут говорить о всех остальных фанфаронствующих капитанах всяких рангов! При ее приближении они начинали дышать, как издыхающие собаки.

Обе мамы быстро нашли общий язык и скооперирова-

лись. Несколько позже до нашего сведения довели (довести до сведения – это опять же оборот из их терминологии), что принято решение дать возможность нам доучиться.

Мне и Воробью, честно говоря, на это обстоятельство было глубоко наплевать. Звания и визы мы уже были лишены, стремления очутиться в БалтМорПути не было никакого. Но – чего не сделаешь ради мам! Мы довели до их сведения, что доучиваться – будем...

Я встряхнулся и, немного размяв тело, спустился вниз. Пожилая чета находилась на прежнем месте, все так же тихо беседуя между собой. Какие малоподвижные люди! «Тетка» отсутствовала. На столе, в бутылке «Сибирской» мерно покачивался мениск поверхности водки, словно в измерителе уровня воды в котле или гидрофоре, показывая ровно половину.

Я достал сигарету и вышел в коридор. Уже темнело. Поезд несся сквозь летний пейзаж, где-то, быть может, в Псковской области или совсем в другом месте – увы, в географии нашей социалистической Родины я разбирался, как матрос в системах машинного отделения, то есть – никак.

В тамбуре, когда я вошел, было уже несколько человек. Среди них – моя попутчица. В этот момент она как раз приставала к одному из ребят в куртке ССО (студенческого стройотряда), стоявшему в углу, возле окна, в компании таких же ребят, одетых в такие же куртки.

– Ну, ты, ты эти джинсы, небось, на мамочкины деньги

купил, – вконец пьяная, едва ворочая языком, «таранила» «тетка» бедного студента.

Все курильщики в тамбуре, не прерывая своих разговоров, искоса поглядывали в ее сторону.

Студенты, надо полагать, были людьми воспитанными, даже слишком.

Парень, чьи джинсы беспокоили «тетку», мягким жестом отстранил ее от себя, так как она не в меру близко придвинулась к нему, и деликатно возразил:

– Ну что вы, женщина! Я на эти джинсы в стройотряде заработал, – лишь легкая ирония сквозила в его голосе.

Неожиданно она вцепилась рукою в штанину джинс в районе бедра и злобно произнесла:

– О, хорошие джинсы. Дорогие, наверно...

Мне искренне было жаль парня, но ситуация, тем не менее, меня забавляла.

Смутившись, он, не без усилия, оторвал руку женщину от своих штанов и, переглянувшись со своими спутниками, упрекнул ее:

– Женщина, ведите себя поприличнее...

– У-у, все вы сволочи, а у меня... у меня мать умерла, я ее пять лет не видела, я..., я сама на жизнь зарабатываю..., на РАФе..., слышали такой?

Я докурил и, притушив бычок о подошву ботинка, двинулся из тамбура, на выходе посоветовав ребятам:

– Чего вы с нею миндальничаете, парни? Гоните ее

в шею...

В купе я снова поднялся на свою полку и снова уснул...

Глава 4

Видимо, была уже глубокая ночь, когда от очередного толчка я в очередной раз проснулся. Переменив позу, я собрался продолжить свой сон, но доносящиеся снизу голоса – один из них все тот же противный громкий голос все той же «тетки»; другой – тихий, мне неизвестный и, как мне сразу показалось, очень приятный – привлекли мое внимание.

Главный свет в вагоне был уже потушен. Лишь маленькая дежурная лампочка светила с подволока (так моряки называют потолок), слегка обозначая в сумраке купе лицо пожилого супруга, спящего на соседней верхней полке, и подо мною, там, где находилась пьяная попутчица, горел ночник.

– Никто, ты понимаешь – никто!... не захотел со мною выпить. Разве они люди? Ведь у меня мать умерла! Ну, неужели они не понимают! – донеслись снизу слова старой, надоевшей песни.

– Оля! Да ты их прости... ты не думай об этом, – мягко возражал «тетке», которую, оказывается, звали Олей, чей-то спокойный, безусловно, девичий голос. – Знаешь, у всех ведь свои проблемы, свои дела... просто, так получилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.